

Розенберг почти закричит: «Нет, это не так. Это совершенно неверно»: НП V: 175; НП VII: 226). Но в рамках национализма он сам был «манкуртом» с неразборчивой латышско-эстонско-немецко-российской национальностью и воспринимал это как свою беду, загоняя себя тем самым в идеологический и нравственный тупик: ведь происхождение нельзя изменить, никто не родился по собственному выбору. Отсюда попытки такого человека спрятаться от неразрешимого (с точки зрения его теории) противоречия, заглушить его потоком громких слов и помпезных дел, а главное, влезть в чужую карету — стать бóльшим немцем, чем сами эти самодовольные *Reichsdeutsche*. Это сделало его готовым на всё из идейных соображений, но престижа даже среди соратников не прибавило.

Именно он вместе с другим беженцем из России — Шейбнер-Рихтером — в октябре 1923 г. подсказал Гитлеру план захвата баварских лидеров в заложники. Этот план был осуществлён 8 ноября того же года — в виде «пивного путча» (Ширер 1991 {1960}: 94—95). В тот день Розенберг вместе Герингом и другими «вождями» маршировал в первой колонне штурмовиков.

«Перед арестом в связи с “пивным путчем” Гитлер назначил Розенберга своим заместителем, хотя тот не пользовался популярностью среди нацистов: его считали “чернильной душой”, “бумажной крысой”. Но он был той фигурой, конкуренции со стороны которой Гитлер нисколько не опасался» (Рагинский 1986: 89).

После провала путча его позиции не улучшились. Уязвлённый новыми фигурами, появившимися в руководстве партии, он на время отошёл в сторону. Когда же Розенберг вместе с Людендорфом потребовал исключить из движения компрометирующих его членов — преступников и сексуальных извращенцев, — Гитлер публично заявил в передовице его же газеты от 26 февраля 1925 г.: «Я не считаю, что в задачу политического руководителя входит улучшение, а тем более перековка человеческого материала, которым он располагает» (см.: Ширер 1991 {1960}: 152). Проверка морального облика нацистов была доверена особой комиссии, обратившей это дело в фарс.

Явно разочаровавшись в своих способностях как руководителя массового движения, этот «тучный туповатый прибалт» начал «выпускать одну за другой весьма путаные по содержанию и форме книги и брошюры. Апогеем его сочинительства явился 700-страничный труд, озаглавленный “Миф двадцатого века”. Книга эта являла собой нелепое нагромождение незрелых идей о превосходстве нордической расы — идей, выдававшихся в нацистских кругах за учёность» (Ширер 1991 {1960}: 181—182).

1.3. «Партийный философ»

*Раз архитектор с птичницей спознался,
И что ж? — в их детище смешались две натуры:
Сын архитектора — он строить покушался,
Потомок птичницы — он строил только «куры».*

Козьма Прутков. Эпиграмма №II

Положение Розенберга не улучшилось и после 1933 года, когда он вошёл в верхушку новой власти. Больше того, «к моменту прихода партии к власти Розенберг уже начал терять в ней влияние» (Кон 1990: 166). В 1938 г. он после отставки К. фон Нейрата метил в министры иностранных дел и был очень обижен, когда этот

пост достался И. фон Риббентропу, даже вроде бы грозил полной отставкой. Тем не менее он стал рейхслайтером (начальником по партийной линии) ⁷ сразу трёх областей: идеологии, работы с молодёжью и внешней политики. Такое экзотическое сочетание достаточно логично для режима, основанного на пропаганде, нацеленной как на собственное население (особенно на юношество), так и на окружающий мир. По словам адвоката, защищавшего в Нюрнберге К. фон Нейрата, «одно время в Берлине даже существовало три вида министерств иностранных дел: министерство Розенберга, министерство Риббентропа и официальное министерство на Вильгельмштрассе» (НП VII: 227). Кроме того, он остался издателем официальной партийной газеты «*Völkischer Beobachter*» (*Народнический обозреватель*) ⁸, игравшей в нацистской Германии ту же роль, что «*Правда*» в СССР.

Его книга «*Миф XX века*», вышедшая впервые в 1929 г., к концу войны выдержала в Германии больше 180 изданий общим тиражом почти в 1.075 тыс. экз. (Колчинский 2007: 498, сн.469) — только тиражи «*Mein Kampf*» были в этой стране ещё больше. Несколько лет назад автор этих строк попросил одного из коллег отыскать эту книгу в библиотеках Берлина. Оказалось, что записываться на неё надо за три недели: все уцелевшие экземпляры — на руках... ⁹

Тем не менее, «Розенберг, хотя и был назначен Гитлером ответственным за воспитание целостного мировоззрения у НСДАП, в политическом отношении был слабой фигурой» (Колчинский 2007: 452). К тому же Гитлер не допускал сосредоточения власти в какой-либо сфере в одних руках. Наука (в том числе и мистическая философия, выдаваемая за науку) в рейхе была поделена между двумя организациями: «Управлением Розенберга» (Amt Rosenberg) и отделом СС «Наследие предков» (SS-Ahnenerbe), возглавляемым заместителем и тестем Гимmlера (Рагинский 1986: 181) — Вольфрамом Зиверсом. Патронами нового института стали Г. Гимmlер и «рейхсфюрер крестьянства» В.Р.О. Дарре (о котором речь пойдёт позже). Такой конкуренции «бумажная крыса» выдержать не могла. Розенберг был слишком деспотичен (подобно многим дилетантам, дорвавшимся до признания), чтобы нормально руководить учёными, но при этом слишком учён, чтобы удовлетворить полуграмотных нацистов (хотя окончил, как уже упоминалось, лишь высшее техническое училище, а в гуманитарной сфере был самоучкой). В его управлении процветал самый махровый мистицизм, и Н. Кон (1990: 178—179) пишет об антисемитской пропаганде нацистов: «Огромное количество соответствующих сведений выдавало Министерство пропаганды Геббельса, где в них почти не верили, и различные партийные учреждения, подчинявшиеся Розенбергу, где верили гораздо большему».

⁷ Высшим органом нацистской партии считался назначаемый «директорат», или «имперское правление» (Reichsleitung), состоявший из рейхслайтеров, то есть руководителей функциональных организаций, и руководителей примыкающих главных управлений и учреждений (НП VII: 408). Таким образом, например, «рейхслайтер по идеологии» в СССР соответствовал бы посту: «член ЦК, ответственный за идеологическую работу», то есть посту, который при Хрущёве и Брежневе занимал М. А. Суслов.

⁸ Понятие *völkisch* в немецком языке означает буквально «народный», но лишь в крайне шовинистическом духе («Давайте, братцы, её своим судом судить... народным!!») — Салтыков-Щедрин: *За рубежом: Торжествующая свинья, или разговор Свиньи с Правдою*. Поэтому автор (и не он первый) счёл адекватным иной перевод для этого термина: не «народный», а «народнический».

⁹ В русском переводе «*Миф XX века*» был недавно издан в Таллинне (Розенберг 1998). В данной работе, однако, использовался только немецкий оригинал.

На таком фоне выигрывал даже Г. Гиммлер: сам тёмный оккультист, «почётный доктор археологии» со средним образованием, личная практика которого в египтологии ограничилась неудачным опытом основания куриной фермы, он когда-то мечтал об академической карьере и успел хотя бы научиться уважать учёных (Наßmann 2002) — как людей, способных приносить пользу. По крайней мере, он понимал, что есть сферы (например, технологии), в которых никакие «грёзы духовидца» и «промывания мозгов» не могут заменить научных фактов и методов. И даже пропаганда выглядит убедительнее, если в подтверждение можно привести хоть какой-то несомненный факт — например, археологическую находку (как её толковать — дело интерпретатора; по крайней мере, строгая процедура археологической интерпретации, уменьшающая риск использования находок в интересах «социальных технологий», в то время ещё не была разработана). Х. Хасман даже считает, что в «Ahnenerbe» была возможна археология, свободная от идеологии. Конечно, это преувеличение: «серьёзные научные исследования могли иметь место при любом спонсоре, но нейтральность вряд ли была возможна — даже при отсутствии идеологической начинки в самих работах: ведь одна лишь группировка в венициризованных рядах под определённым знаменем означала поддержку этого знамени» (Клейн 2003—2004: 385). Но здесь всё же делалось хоть что-то, что можно было применять на практике: например, аэрофотосъёмка на высочайшем по тем временам уровне. А действительно крупные учёные, которых ценили власти, могли даже рассчитывать на «розовые очки» — право не участвовать лично в преступлениях, если они того не желают, или даже так ограничиться стенами своих лабораторий, чтобы вообще не слышать, что творится вокруг них. Поэтому денацификация для них была формальной — они сравнительно легко доказывали, что не делали ничего такого, чем не занимается учёный в любой стране.

Но так поступали не все, и не для того было создано «Ahnenerbe». Его деятельность в захваченных странах не поддаётся оправданию: она целиком сводилась к обоснованию «исторических прав» Германии на востоке. Таковы, например, раскопки военного времени в Крыму (Наßmann 2002: 110). Чудовищны были результаты этой активности в Польше. Погибла треть польских археологов, в своё время сильных оппонентов Косинны, воевавших против него его же оружием (Клейн 2000: 125—127). Университеты в Варшаве и Познани были закрыты, богатейшие археологические коллекции не просто разграблены или вывезены, как на Украине, а уничтожены. Взамен были созданы новые, по сути оккупационные, учреждения, с чисто политическими задачами. Так, в Кракове был создан «Институт для германской работы на Востоке» (Institut für deutsche Ostarbeit), кафедру преистории в котором возглавлял профессор В. Радиг, до этого работавший в педагогическом колледже (!) в Эльбинге. В его задачу входила в основном пропаганда, научная же работа сводилась к охране памятников (Наßmann 2002: 102).

Однако даже такие задачи «Управление Розенберга» не умело исполнить. Там сложилась другая атмосфера, проникнутая духом «фюрерства» (вождизма). Ведь мистицизм вообще не опирается на факты и логическую аргументацию: то и другое заменяется авторитетом гуру. По словам Цицерона, ученики Пифагора не имели права рассуждать — вместо этого они должны были ссылаться на Учителя со словами: «Ipse dixit» — «Сам сказал». К тому же в Германии вождизм в сфере духа укоренился гораздо раньше, чем в политике. Уже Гегель не допускал признания право-

ты своих оппонентов ни по одному вопросу (полагая, что тем самым он отказал бы своей теории в праве на абсолютность) и как-то раз даже не побрезговал искать на них управу у прусского министра полиции. Многие лидеры немецких научных, философских, художественных школ того времени известны крайним деспотизмом. Достаточно сказать, что двое ассистентов великого медика Р. Коха, получив данные, расходившиеся со взглядами их учителя, не осмелились опубликовать их до самой его смерти: иначе Кох не только уволил бы их, но и смог бы добиться, чтобы их никуда больше не взяли. Эта тенденция, не полностью изжитая и у нас, при нацизме неизбежно усилилась.

Поэтому в «Управлении» тянулись либо шарлатаны, либо научные карьеристы, мечтавшие стать «вождями» своих направлений. В обоих случаях их деятельность сводилась к личным интригам. Так, в рамках «Управления» постепенно сложился «Имперский союз германской преистории» (*Reichsbund für Deutsche Prähistorie*). Возглавил эту организацию Ганс Рейнерт, до 1933 г. — приват-доцент (университетский преподаватель без штатной должности и оклада) в Тюбингене, автор раскопок в Федерзее. После неудачных попыток добиться штатной профессуры он пошёл на союз с нацистами, чтобы под их опекой сделать научную карьеру (Навманн 2002: 72). Эта борьба за пост наложила отпечаток на всю его дальнейшую судьбу, привела к сознательной жертве научной истиной ради соображений «партийной линии» и собственного служебного положения. У Рейнерта были задатки для того, чтобы стать действительно крупным учёным, однако он сам похоронил их, беззастенчиво манипулируя фактами в угоду идеологии. Кроме того, обретенную власть он постоянно использовал для интриг и сведения счётов с «завистниками», реальными или мнимыми соперниками. В конце концов недобросовестный стиль руководства Рейнерта разложил *Reichsbund*. Серьёзные учёные его покинули, остались шарлатаны.

Борьба между «Имперским союзом» и «Наследием предков» не прекратилась даже после Победы и завершилась лишь в конце 1940-х годов: Рейнерт (единственный из археологов, служивших нацистскому режиму) был лишён профессуры — не потому, что он был виновен более других, а потому, что сами же немецкие археологи нашли, наконец, способ избавиться от этой опостылевшей им фигуры. В дальнейшем Рейнерт вновь получил профессорскую степень, но не должность, вёл лишь небольшие раскопки, занимал невысокие посты в частных организациях и до самой смерти демонстрировал верность идеям, с которыми слишком тесно себя связал. Морально же его учреждение распалось ещё раньше. Что касается *SS-Ahnenerbe*, то его директор В. Зиверс был казнён по приговору Нюрнбергского трибунала — но не за действия в области науки, а как один из высших чинов СС, лично виновный в тягчайших военных преступлениях. А работавшие под его началом преисториком не пострадали (Навманн 2002; см. т.ж. рец.: Мосионжник 2000: 447).

В других областях несостоятельность «Управления Розенберга» как организации выявилась ещё раньше. Когда в 1936 г. Й. Штарк, претендовавший на роль «диктатора физики», выбрал Розенберга почётным президентом своего фонда, это стоило ему карьеры: он нажил себе врагов в верхушке СС. Несомненно крупный физик, Й. Штарк связал себя с нацизмом едва ли не из зависти к А. Эйнштейну и пытавшемуся сохранить чистоту «белых одежд» В. Гейзенбергу, но сам же поставил этим крест на собственном научном будущем: как и Рейнерт, он посвятил оста-

ток жизни борьбе за кресло (Колчинский 2007: 452—454). Между тем Эйнштейн не претендовал на «диктатуру» — он просто *был* величайшим физиком своего времени.

Вождизм вредит науке уже тем, что ограничивает развитие любой теории временем жизни её Основоположника и Единственного Классика, а борьбу идей подменяет борьбой амбиций и принципом личной верности. Так случилось, например, с яфетической теорией: «душевная болезнь и смерть Марра не оставили шансов на создание даже элементарного курса по яфетидологии, а её многочисленные апологеты в СССР эту задачу были выполнить не в силах» (Тункина 2000: 390). Какое-то время марризм господствовал в СССР как псевдонаучная догма, а в 1950 г. стал главной жертвой сталинской «дискуссии по вопросам языкознания», о чём тогдашние лингвисты, избавившиеся хотя бы от одного кумира, не пожалели. Лишь с 1990-х годов начался осторожный пересмотр наследия Н. Я. Марра, показавший, что среди его идей (а особенно — среди идей его учеников) были и действительно интересные. Но это стало возможным лишь в другой научной атмосфере — без вождистских амбиций.

Однако то же повторилось в сфере, которой Розенберг занимался лично. Инженер без высшего гуманитарного образования, он счёл себя специалистом в мифологии, социальной психологии, антропологии и Бог знает в чём ещё. При этом «Розенберг простодушно верил в галиматью, которую писал» (Кон 1990: 169), — в отличие от таких профессионалов сознательной лжи, как Й. Геббельс. Однако ему достался скорее почёт, положенный по должности члену партийной верхушки — «Reichsleitung», реально его мало уважали даже сами нацисты:

«Официальная версия национал-социалистической расовой теории была изложена в трудах А. Розенберга и В. Гросса, обязательных для изучения всеми членами НСДАП, которые, правда, тоже вызвали немало нареканий со стороны лидеров Третьего рейха. Их труды также не были канонизированы, включая книгу Розенберга “Миф XX века”, считавшуюся второй по значимости после книги Гитлера “Моя борьба”. Но сам фюрер находил труд Розенберга неясным и слишком мистическим для того, чтобы иметь какое-то практическое значение. Кроме того, высказанный в ней призыв к непримиримой борьбе с христианством противоречил политической тактике Гитлера. Геббельс, усматривавший в Розенберге главного конкурента в борьбе за лидерство в области идеологии, называл его труд философской отрыжкой (philosophischer Rülps¹⁰), добавляя, однако, что Розенберг удивил своей прилежностью, сочетая функции учителя, журналиста и политика. Тем не менее, именно сочинение Розенберга стало единственной достойной упоминания попыткой дать систематическое изложение официальной национал-социалистической философии, включая и разделы по антропологии и расологии. Несмотря на насмешки высокопоставленных партийных товарищей, Гитлер поручил Розенбергу контролировать всю внутривнутрипартийную агитационно-воспитательную и учебную работу среди членов НСДАП, включая отдел по науке (Hauptamt der Wissenschaft), и назначил его руководителем внешнеполитического отдела НСДАП. Это позволило Розенбергу не только использовать свои идеи как основу политики на оккупированных территориях, но беспрепятственно продвигать свой расовый мистицизм и оккультизм как официально признанные партийные установки, что неизбежно привело его к противоречию с лидерами нордического движения, особенно с Г. Ф. К. Гюнтером» (Колчинский 2007: 498—499).

¹⁰ Слово *Rülps* имеет по-немецки два значения: 1) отрыжка; 2) хам, грубиян.

10 февраля 1940 г. Геббельс записал в дневнике: «Полный разлад. Лей вместе с Керрлем [рейхсминистром воспитания, науки и народного образования] спорится с Розенбергом и т. д. И это среди войны, и каждый взывает к фюреру» (Kistler 1991: 75). Характерно, что эту цитату доктор Гельмут Кистлер приводит в главе: «Структура власти: “гитлеризм” — “многовластие” — “организованный хаос”» (ibid.: 74). Бывший рейхсминистр вооружений и боеприпасов А. Шпеер в своих воспоминаниях сообщает пикантные подробности:

«Розенберг распродал свою 700-страничную книгу “Миф двадцатого века” сотнями тысяч экземпляров. В общественном мнении она воспринималась как основополагающий труд партийной идеологии, но Гитлер во время таких чаепитий отзывался о ней как “штука, которую никто не поймёт”, написанную “неким узколобым прибалтом со страшно усложнённым способом мышления”. Он всё удивлялся, что такого рода книга смогла заполучить такие тиражи: “Это же шаг назад, в средневековые представления!” Не ясно, дошли ли до Розенберга эти частные высказывания» (глава «Оберзальцберг»).

Если так казалось даже самому Гитлеру... Впрочем, быть может, в нём говорила элементарная зависть к дипломированному архитектору — самого-то его на архитектурный факультет в своё время даже не приняли (Ширер 1991 {1960}: 73)? Вдобавок судьба его собственной книги была вряд ли лучше, несмотря даже на то, что не иметь её в доме было в нацистской Германии опасно:

«Вовсе не обязательно, что каждый немец, купивший “Майн кампф”, прочёл её. Я слышал от многих убеждённых нацистов, что им было трудно читать эту книгу, и не так уж мало немцев в частной беседе признавались, что не смогли осилить до конца высокопарный опус в 782 страницы. Можно, по всей вероятности, утверждать, что если бы большее число немцев, не являвшихся членами нацистской партии, прочли эту книгу до 1933 года и если бы государственные деятели разных стран внимательно изучили её, пока ещё не было поздно, то и Германию, и весь мир удалось бы спасти от катастрофы» (Ширер 1991 {1960}: 109—110).

Гитлеру явно импонировало, что Розенберг не умнее его самого, несмотря на весь свой фактографический багаж. Поэтому он с удовольствием поддерживал издевательства над соратником, писавшим в начале своей 3-й книги явно о себе: «Придёт когда-нибудь время, когда народы начнут почитать своих великих мечтателей как величайших людей фактов» (Rosenberg 1934: 453), и сам подначивал его:

«Гитлер часто в шутку говаривал, что пытался прочесть её, а Ширах, воображавший себя писателем, заметил однажды, что Розенберг “продал больше экземпляров книги, которую никто не читает, чем какой-либо другой автор”» (Ширер 1991 {1960}: 182).

«Излюбленной мишенью шуток Геббельса был Розенберг, которого он иначе, чем “Имперский философ”, и не называл и унижал всякими анекдотами. В этом случае Геббельс всегда мог быть уверенным в успехе у Гитлера. И он так часто эксплуатировал эту тему, что его рассказы походили на настоящий театр — с заученными ролями и актёрами, ожидающими выхода. Заранее можно было быть уверенным, что Гитлер в конце скажет: “‘Фёлькишер беобахтер’ — такая же скукота, как и её издатель Розенберг. Есть у нас и партийная сатирическая газета ‘Крапива’ — самое безутешное издание, какое только можно себе представить! А с другой стороны, — ‘ФБ’ — не что иное, как юмористическая газетёнка»» (Шпеер, Воспоминания, глава «Будни Рейхсканцелярии»).

Заметим в скобках: чтобы понять психологию этой компании, нужно выжить из ума. Они считали себя людьми, указующими новый путь человечеству, но при

этом даже сами смотрели друг на друга как на шутов гороховых. Какой же «новый путь» вообще был возможен при таком руководстве?!

В конечном итоге исследования, проводившиеся в «Управлении Розенберга», не дали ничего такого, что пошло бы на пользу не только мировой науке, но хотя бы даже самому нацистскому режиму. Не удивительно, что его глава не добился большего, чем внешние признаки показного уважения. Яркий факт этого рода: после оккупации Франции Розенберг сумел вытребовать у местных властей, зависевших от СС, лишь право получать от них любые рукописи, имевшие какое-либо отношение к мистике (например, тамплиерские). Тем не менее за все 4 года оккупации ему не передали ни одного листка (Деларю 1994).

1.4. Наместник на Востоке

*...Стояли виселицы в ряд.
Меж ними двигалась фигура,
Воя о зверском грабеже...
“Так, так! — мудрец промолвил хмуро, —
К несчастью, вижу, что культура
Здесь утвердилась уже!
<...> Вот о какой такой культуре
Мечтают эти подлецы!*

Демьян Бедный

Применение Розенбергу нашли с началом войны на Востоке. Как знаток России, 17 июля 1941 г. он стал-таки министром — по делам оккупированных восточных территорий. Деятельность на этом посту и привела его после Победы на Нюрнбергскую скамью подсудимых.

Что же вскрылось на этом процессе? Сам Розенберг и его адвокат — доктор Томá — утверждали, что министр, как гражданский наместник, практически был лишён полномочий. Ему не подчинялись ни армия, ни полиция, ни экономические, ни партийные органы. Авторитет Розенберга к этому времени упал до нуля. Мавр сделал своё дело — создал философию расовой ненависти, и теперь даже спрашивать его мнение по любому вопросу было уже излишне. Так, в апреле 1941 г. Гитлер (как утверждает Тома) внезапно вызвал будущего министра Востока к себе и сообщил о предстоящей войне с СССР. «Розенберг оказался тогда, как он об этом сообщил в своих показаниях, перед свершившимся фактом, и его попытки вообще сказать что-либо по данному поводу были пресечены фюрером, сделавшим замечание, что приказы всё равно уже отданы и что дела не изменишь...» (НП V: 690—691).

Но пост он всё-таки принял. Почему? Через пять лет, уже в Нюрнберге, стенограмма отмечает:

«*Руденко*: Мы предъявляем этот документ под номером СССР-117. В этом письме вы высказали свою обиду в связи с назначением подсудимого Риббентропа министром иностранных дел. Правда это?

Розенберг: Да, да.

Руденко: Вы считали, что таким министром иностранных дел гитлеровского кабинета могли быть вы. Это правда?